

ЖИЛИЩА, МЕСТА ХРАНЕНИЯ И ЛЕТНИЕ ПОСТРОЙКИ ЭВЕНКОВ-ОРОЧЕНОВ: НАРОДНАЯ АРХИТЕКТУРА ОХОТНИКОВ-СОБИРАТЕЛЕЙ В ПОСТСОВЕТСКИХ УСЛОВИЯХ

Введение

Культура коренных народов Восточной Сибири дала много для размышления теоретикам, занимающимся вопросами пространства и социальных изменений. Работа СМ.Широкогорова (1929; 1935) по тунгусским (эвенков; орочен) обрядам, опубликованная на английском языке, стала классикой сравнительного изучения идентичности, шаманизма, а также работ в русле эволюционистского подхода. Революция, Гражданская война, Отечественная война, а затем холодная война заморозили евразийский межкультурный диалог, и в результате того эвенки-орочены остались в сознании большинства ученых как народ, представляющий определенную стадию социальной эволюции.

Данная статья ставит своей целью описание стратегий и способов взаимодействия орочен с их землей. Я не рассматриваю недавнее советское прошлое как источник помех, препятствующих нашему пониманию некоего неизменного культурного ядра. Вместо этого, я обращаю внимание на то, как охотники и оленеводы орочен продолжают использовать с пользой для себя ресурсы, предоставляемые тайгой, поступая во многом так же, как в историческом прошлом.

Будучи антропологами, мы старались представить в этой статье мир орочен таким, каким они видят его своими глазами. Данная работа является также своего рода ответом на давнюю дискуссию о том, что культура эвенков «исчезла», была «уничтожена», или переписана заново за десятилетия индустриализации и реструктуризации в этом регионе. Здесь я бы хотел показать, как ресурсы, ставшие доступными в результате демилитаризации и деиндустриализации, позволили эвенкам выработать комплексный образ жизни, в котором одинаково находится место как брезенту и пластику, так и шкурам копытных животных. Я считаю, что пост-социалистический обвал равно бросил определенные вызовы и породил благоприятные изменения в окружающей среде. Все это вместе взятое отражает своеобразный жизненный этап, представляющий особый исследовательский интерес в плане изучения способов адаптации среди охотников.

Я постараюсь доказать, что в локальной архитектуре охотников отражаются их возможности доступа к определенным материалам - в данном случае речь пойдет о покрытиях. На мой взгляд, постсоциализм предоставил эвенкам и другим народам Сибири роскошную возможность создавать многочисленные жилые и рабочие пространства, которые хоть и являются «нетрадиционными», тем не менее, обладают характерными чертами таежного образа жизни. Эта статья во многом опирается на данные полевых исследований, проводимых в этом регионе в течение многих десятилетий Анной Сириной (2002).

Публиковавшаяся на протяжении примерно ста лет литература по эвенкийской народной архитектуре способствовала складыванию определенного идеала в описании архитектурных дизайнов, когда приветствовались чистые формы и отвергались промежуточные (которые, возможно, были как раз самыми распространенными). Этот идеал прошлого часто ошибочно воспринимается современными исследователями как некий стандарт для оценки образа жизни охотников сегодня. К настоящему моменту не опубликовано ни одной работы, которая бы описывала технику и модели, применяемые в процессе построения конического охотничьего домика из шкур, в то время как есть много работ, описывающих уже построенные дома.

Работы, посвященные постройкам эвенков, а возможно, и других охотничьих народов часто уделяют основное внимание уже достигнутому архитектурным формам, нежели процессу организации материала при строительстве жилищ. При описании таких гибридных форм, как, например, конические дома с пластиковым покрытием, возникает сильное искушение расценить это как упадок культурного идеала, нежели как талантливую адаптацию архитектурной интуиции к новым материалам.

Структура поселения летнего лагеря современных забайкальских орочен

Этноархеологическое полевое исследование для этой статьи проводилось в течение 6 недель летом 2004 года при участии археологической исследовательской

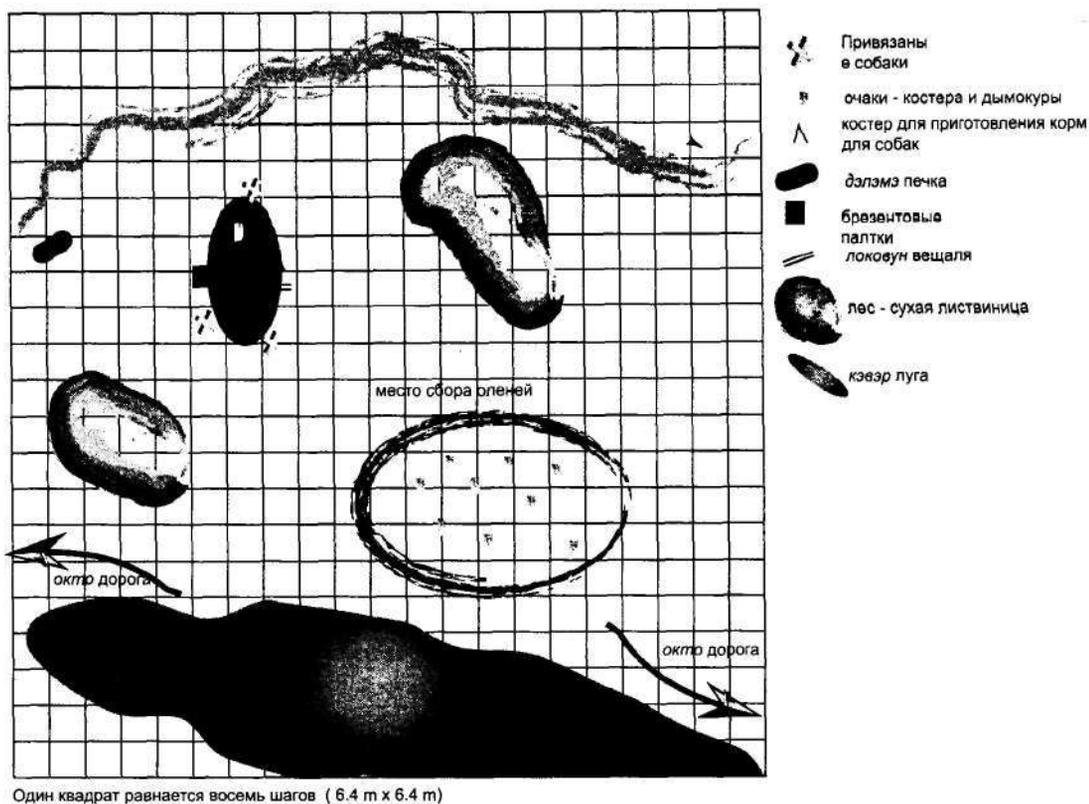

Рис. 1

группы Виктора Ветрова из Иркутского государственного педагогического университета. Наша команда состояла из трёх антропологов и трёх археологов. Изначально мы планировали осуществить обследование территории от Усть-Каренги до Зеленого Озера (бассейн верхнего течения р.Витим, Забайкалье) с помощью оленеводов-проводников из эвенков ороченов. Однако значительный вес снаряжения и неожиданный спад поголовья оленей в Усть-Каренге вынудили нас разыскать Николая Арунеева и его бригаду - артель «Беюн», крупнейших оленеводов в регионе. Ключевыми фигурами в бригаде были бабушка Ольга и двое ее сыновей, Николай и Юрий, с меняющимся контингентом других родственников в различное время года.

Я ограничился обследованием нескольких летних лагерей (*табор*) эвенков ороченов в долине реки Поперечная, притоке реки Витим. Семья Арунеевых выбирала такие местоположения для своих летних лагерей, которые обеспечивали наилучшие условия для содержания довольно крупных оленьих стад. Ключевые элементы такого лагеря - болото, проточная вода и лиственница. Они играют важную роль в создании привлекательной среды для оленей. Каждый летний лагерь используется в среднем около двух недель. В этом регионе я встретился с применением интересной и уникальной системы контролируемых костров, направленной на создание и поддержание ранней весной *кевер-путоь* (открытых болотистых территорий), способствующих выпасу оленей на одном месте (Anderson in press B) (рис. 1).

Я исследовал три действующих лагеря, использовавшихся летом 2004, а также четыре заброшенных

лагеря в той же самой долине, которые использовались на протяжении последних 10 лет (рис.2). Все они представляет идеальную типичную модель расположения летней жилой территории по отношению к таким ключевым элементам, как болотистый луг, вода и лес. Люди, с которыми я разговаривал в тайге и на поселении, утверждали, что эта стратегия применялась ороченами с тех самых пор, как они стали держать оленей. Однако я осмелюсь предположить, что стратегия поиска летних болот и создания весенних лугов с помощью костров применяется только в тех случаях, когда небольшая группа людей содержит большое стадо оленей.

Для меня как ученого, искушенного в этноархеологии, наиболее важными элементами летнего лагеря представлялись расположение очагов и структура жилищ. Вначале меня поражало количество костров, разнообразие их видов, а также количество брезентовых палаток. Однако по мере привыкания к тем местам, где мы проживали, постепенно становилось очевидным, что ни собственно очаги, ни формы жилищ не являлись самыми важными составляющими лагеря.

В лагере, где мы жили, было три постоянно поддерживаемых внешних очага, предназначенных для людей, а также уникальная печь для выпечки хлеба, сложенная из больших плоских камней (*делеме*). Помимо этого, на территории для выпаса оленей могло одновременно поддерживаться от 8 до 15 медленно горящих дымящих костров (каждый костер защищен конической конструкцией из толстых колышков). Каждый очаг использовался главным образом для приготовления пищи, но из-за большого количества насекомых они привлекали людей еще и так же, как

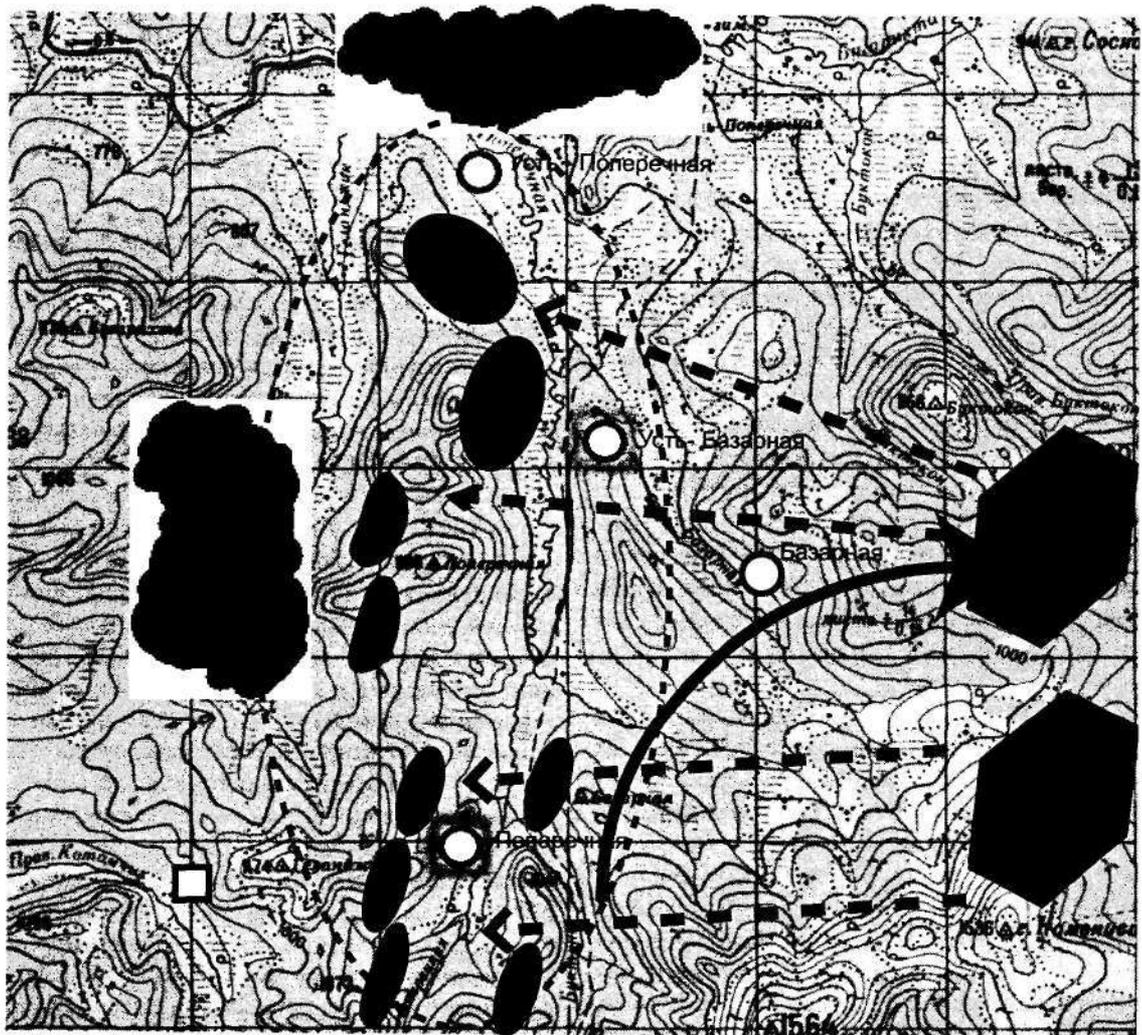
дымящие костры привлекали оленей. Люди могли сидеть, чинить вещи, курить, разговаривать и есть вокруг костра - как правило, главного костра лагеря. В целом, если человек не спал или не отсутствовал в лагере по той или иной причине, он сидел у костра.

В каждом лагере был главный костер, на котором готовилась и употреблялась пища. Также использовалось определенное количество дополнительных костров, которые могли быть разведены для особых целей, например, разогревания пищи для собак (*делевун*), что никогда не делалось на основном костре, или для приготовления пресного плоского хлеба *уон* (*увон*), который требовал небольшого по размеру и контролируемого огня. Возможно, значимым является то, что место вокруг главного очага, где люди часто собирались вместе, имело отдельное название - *сонан*,

в то время как огонь и сам очаг назывались просто «огонь» - *тоно*.

Брезентовые палатки - следующая бросающаяся в глаза характерная черта лагеря, после системы очагов. Палатки заслуживают особого внимания не только потому, что они были вторым по счету сооружением, устанавливаемым по прибытии в лагерь, но также потому, что были сделаны из брезента. Для некоторых членов нашей экспедиции палатки уже сами по себе являлись признаком «анти-культуры», прямыми свидетельствами того, что было утеряно.

Площадь палаток примерно 4 м². Они состояли из высокого бруса, поддерживающего остроконечный тент посередине. Четыре верхних угла поддерживались веревками, которые в идеале привязывались к ближайшим деревьям, но в случае нужды могли быть

- База
- Летные лагеря
- Лесные пожары
- Приблиз. направл. осеннее движение
- ◄- - - Приблиз. направл. весеннего движения
- Весной - Кэвер луга -
- Приблиз. места летних пастбищей

один квадрат равнаетс 25 кв. км.

Рис.2

поддержан.»! с помощью треножной конструкции, быстро сооружаемой из жердей. Важным моментом является то, как палатки располагались и использовались. Обычно они были расположены на расстоянии от пяти до семи шагов от зоны центрального очага (рис.2). Вход палатки бригадира Николая Арунеева всегда смотрел на главную «дорогу» {хокто [окто]}, используемую людьми и оленями. В виду различных причин, в том числе и ритуального характера, палатки никогда не устанавливались в местах, которые использовались другими людьми в прошлом (Anderson, в печати Б). Место, подходящее для установления палатки, на местном диалекте называется *aran*.

На первый взгляд, внутреннее пространство палаток казалось крайне неструктурированным, чем сильно отличалось от стереотипов, описанных в литературе (рис. 3). Так же, как и в прежнее время, пол в палатках покрывался ивняком или ветками хвойных деревьев. Ночью люди располагались головой к задней стенке палатки, в стороне от входа. В дневное время постельные принадлежности сворачивались и аккуратно хранились у задней стенки, формируя своего рода подушку, на которую можно было опираться, если кому-то случалось находиться в палатке днем. Как правило, люди сидели в палатках только в дождливую погоду. К сожалению, во время нашего визита в лагере было мало женщин. Я лишь заметил, что Ольга Арунеева держала свое спальное место и днем и ночью справа от двери, если смотреть внутрь палатки, что, в свою очередь, не являлось традиционной моделью поведения. Этот относительно неструктурированный характер тендерного и статусного поведения в брезентовой палатке в целом соответствует моим наблюдениям в других лагерях эвенков по всей центральной Сибири с 1989 г. Большинство эвенков объясняют, не вдаваясь в подробности, что конические палатки требуют другого поведения, нежели брезентовые.

Проживание в каждом из трех вышеупомянутых летних лагерей, а также посещение заброшенных лагерей позволило нам выявить одну из характерных особенностей жилой архитектуры. Если в относительно далеком советском прошлом члены одной семьи и даже бригады ограничивались проживанием в одной палатке, то сейчас члены охотничьих и оленеводческих бригад были рассредоточены по нескольким палаткам.

Для европейца, а в каком-то смысле и для молодого россиянина сегодня может быть не очень понятным то, *KRK* сложно было в советский период достать материалы для строительства жилища. Распределение брезента и оленьих шкур тщательно контролировалось государством. В связи с этим, внутренне пространство жилища было переполнено в сравнении с сегодняшним днем.

Последовавшее за развалом Советского Союза ослабление (а иногда и полная отмена) системы распределения привело к появлению определенного избытка строительных материалов. На сегодняшний день семья Арунеевых имеет возможность снабдить палаткой каждое подразделение своей рабочей

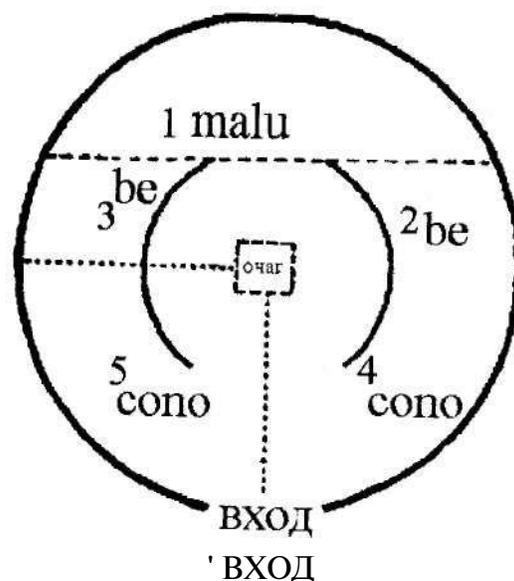

Схема вигвама северных тунгусов
Рис.3

бригады. Соответственно, гендерно и статусно обусловленная деятельность, в прежнее время структурированная под крышей одной палатки, теперь распределена в пределах пространства нескольких палаток, но по-прежнему остается структурированной. Так, мужчины предпочитают делать и чинить инструменты на определенной территории вне палатки, а в случае плохой погоды - возле самого входа в палатку. Подобным образом, женщины предпочитают готовить пищу в одном и том же месте снаружи или внутри палатки, которой они обычно пользуются. Как нам представляется, традиционное гендерно и статусно обусловленное использование пространства сегодня субурбанизируется, т.е. выходит за пределы традиционного конического домика, охватывая более широкую территорию. Причиной этого процесса стало неожиданное изобилие строительных материалов.

Как этнографические описания, так и археологические исследования имеют тенденцию реифицировать поселения как некое целостное застроенное пространство. Однако нам представляется важным обращать внимание не на унифицированную структуру поселения, а на структурированную деятельность, которая имеет место в обозначенном пространстве. В лучшие времена крытых пространств могло быть много. В худшие времена могли быть сложности с использованием пространства. Большая часть стереотипных описаний использования эвенками пространства относится именно к временам лишений, а значит, можно ожидать, что они просто отражают историческую действительность той эпохи.

Архитектура временного и многократно используемого жилища

Если рассматривать постройки не как конечные целостные строения, а как результат строительной деятельности, то становится сложно определить лагерь

как объект сам по себе. Каждый *табор* представляет собой дискретный объект постольку, поскольку имеет собственное название. Однако ни один *табор* не являлся самодостаточным лагерем. Так, при перемещении от *табор* в Усть-Поперечной до *табор* в Поперечной, большое количество запасов и вещей было оставлено в первом лагере, и оленеводы часто туда возвращались, чтобы забрать вещи. Во всей долине имеется множество свидетельств созданных в прошлом строений. Люди постоянно совершают походы в лагерь этого или прошлого года, чтобы забрать еду или одежду, иногда оставаясь там переночевать. Эвенки орошены проводят летний сезон в четырех или пяти лагерях, оставаясь в каждом из них на одну, две недели.

Мы потратили много времени, пытаясь решить, на каком основании можно было бы провести границу лагеря. В пределах группы было высказано несколько теорий, ни одна из которых не совершенна. Археологи выступали с традиционной идеей сосредоточения жизни лагеря вокруг центрального очага. Некоторые студенты предлагали взять за основу территорию выпаса оленей. Вариант одного из авторов данной статьи (Д.Андерсона), проиллюстрированный на рис.4, заключается в том, чтобы провести границу лагеря по периметру, соотнеся его с местом привязи собак, на территорию за пределами которого мог налагаться запрет. Этот периметр не является фиксированной границей. Собаки привязываются на расстоянии, достаточном для того, чтобы они не загрязняли лагерь и не путались под ногами. Они также располагаются

на таком расстоянии, чтобы можно было при случае бросить им остатки пищи от очага (кости никогда не бросают в огонь). Лай собак служит и мерой безопасности, не давая хищникам или ночным посетителям проникнуть в лагерь незамеченными.

Традиционная технология строительства конических укрытий, столь хорошо описанная в литературе, сегодня активно применяется при строительстве *дюкя* - временного строения конической формы. *Дюкя* строится посредством натягивания покрытия на каркас из жердей, опирающихся на треножную конструкцию. Еще в недавнем прошлом покрытие представляло собой полотно из пяти лосиных шкур, снятых с большего по размеру, долговременного конического жилища. Те *дюкя*, которые довелось обследовать нам, всегда были сделаны с помощью пластикового покрытия, ставшего широко доступным в этом регионе совсем недавно.

Дюкя возводилась в том случае, если была необходима быстрая конструкция. Ее могли использовать в качестве укрытия от дождя и ветра во время перерыва на чай, или когда шквал дождя неожиданно обрушивался на людей, находящихся в пути. Пластиковое покрытие высоко ценится за свою чрезвычайную легкость. Его применяют в основном для закрывания выючных мешков на ночь. Образ конического укрытия, сделанного из брезента или пластика, был расценен некоторыми членами нашей команды как свидетельство упадка культуры в этом регионе. Возможно, тот факт, что *дюкя* имеет

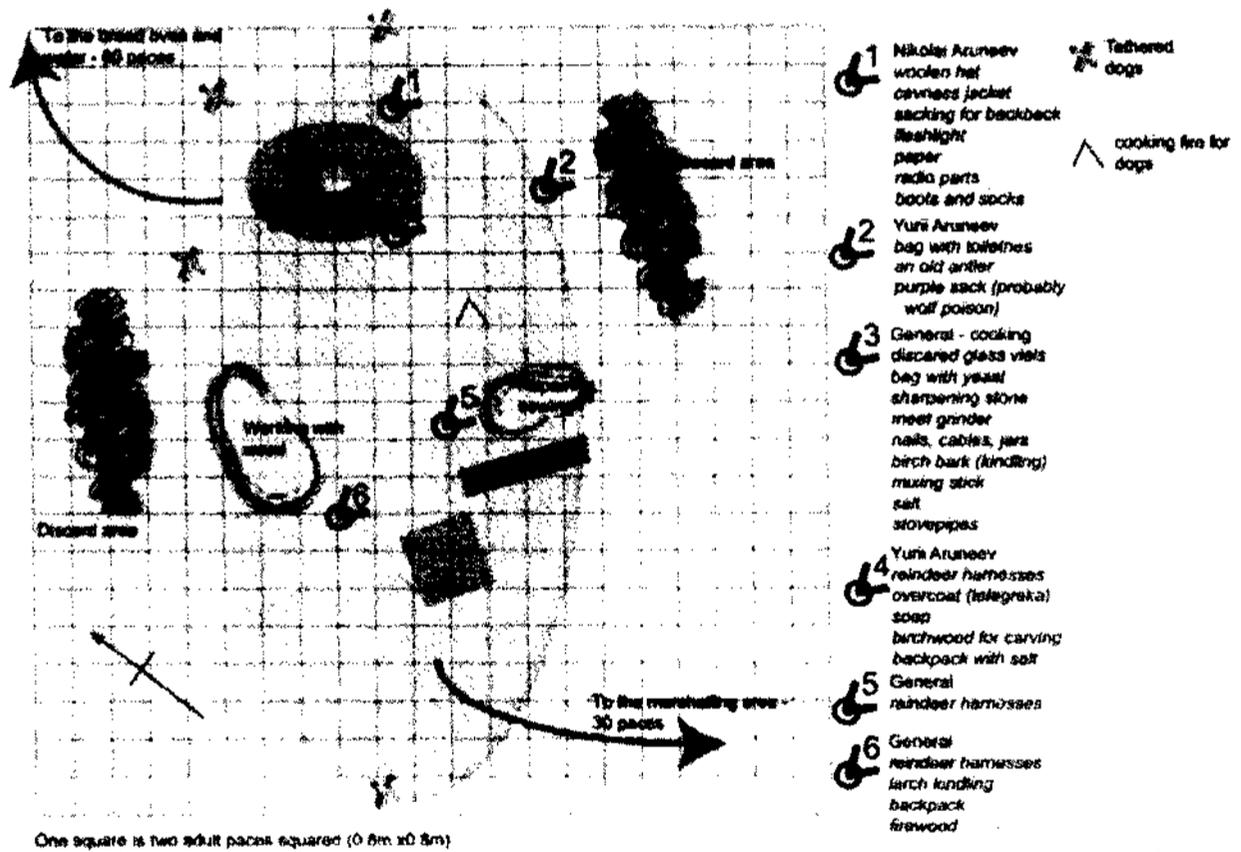

Рис.4

коническую форму, заставляет воспринимать ее как пародию на традиционную архитектуру. В противовес этому аргументу можно отметить, что пластиковое или брезентовое коническое укрытие соответствует целям и функциям традиционной постройки гораздо лучше, нежели дубленая кожа оленя или лося.

Похоже, что пример с *дюкя* учит нас тому, как архитектурные стратегии применяются местными жителями к тем материалам, что находятся под рукой и отвечают местным нуждам. *Дюкя* - это в первую очередь быстрая и легкая коническая постройка. А то, из чего она сделана - из пластика или оленьей кожи - вопрос вторичный.

Места для временного и долговременного хранения

Описанная выше система временных и кратковременных жилищ, рассредоточенных по долине, может обеспечить комфортное проживание только при * условии наличия надежной системы снабжения и хранения. Для комфортной жизни в тайге необходимы такие товары, как мука, соль, чай и табак. Все это должно храниться в сухих, надежных и доступных местах. Помимо этих базовых товаров, охотникам нужно хранить зимнюю одежду летом и летнюю одежду зимой, а также различные личные вещи, накопленные в течение жизни.

Площадки для долговременного хранения (*гуула*) являются одними из самых впечатляющих построек в репертуаре строительных форм эвенков. Как правило, они сооружаются на стволах живых, растущих деревьев и представляют собой платформу с неким подобием крыши. Строение может походить на маленький бревенчатый домик (если древесные стволы достаточно прочные) или же иметь форму навеса, если требуется более легкая конструкция. Площадка может быть построена с использованием одного ствола или нескольких. Ее назначение состоит в том, чтобы продукты сохранялись сухими, а также были недоступны для животных.

Я не наблюдал, как строятся сами площадки, но за короткое время моего пребывания убедился в том, что они находятся в постоянном использовании. Мне кажется, что столь активное строительство и поддержание сети долговременных хранилищ уходит своими корнями во времена чрезвычайно непредсказуемой советской системы снабжения. Традиция строительства таких хранилищ сослужила эвенкам хорошую службу. В текущий пост-социалистический период способность жить и охотиться в течение длительного времени в относительно отдаленных и маргинальных районах дает предприимчивым охотникам относительное превосходство по сравнению с теми, кто полагается на систему снабжения постоянных оседлых поселений (Anderson, в печати а).

На мой взгляд, не меньший интерес, чем постройки для долговременного хранения, представляет собой сеть многочисленных ситуационных способов хранения чего-либо, ежедневно применяемых жителями тайги. Впервые они были описаны этнографами Иркутской этнографической школы - в основном А.А.Сириной (2002). Подтверждения можно

найти и в классической работе по использованию эвенками маркеров направления (Хороших 1950). Идя вразрез с этнографической традицией, предпочитающей монументальную архитектуру, А.А.Сирина (2002:200-202) обращает внимание на *локувун* - простую жердь, которая может быть подвешена или зафиксирована на двух стоящих деревьях, и на которую можно вешать вещи для временного хранения.

Каждый обитатель летнего лагеря создавал, а затем поддерживал свое собственное место хранения. На первый взгляд эти устройства казались простыми деревьями, на которых люди развешивали свои вещи, например, бинокль или накидку от дождя. Однако по мере наблюдений выявилось, что люди выбирают определенные зрелые лиственницы, которые с течением времени склонились в одну сторону, в направлении преобладающих ветров. Люди хранят личные вещи тремя способами: упряжь привязывается к стволу дерева на высоте плеча; одежду развешивают на сломанных ветвях; такие предметы, как мыло, полностью или частично использованные сосуды, или инструменты помещаются между V-образными корнями дерева. Особенно важно хранить между корнями бьющиеся предметы. Нам сказали, что это единственный безопасный способ хранения использованных флаконов из-под лекарств, который дает гарантию того, что олень не наступит на них и не поранит копыта. Таким же образом хранятся и особо ценные и полезные вещи, поскольку в таких местах они остаются сухими, не на виду и в то же время легко доступны. Рис. 4 представляет собой карту-схему, на которой отражены местонахождение и типы полезных предметов, находящихся в местах временного хранения в лагере Поперечная.

На этом я заканчиваю свое краткое исследование летних построек и территорий деятельности эвенков ороченов. В рамках метода, который был избран мной для описания локальной народной архитектуры, не существует простого способа описать конечные постройки без понимания как процессов их строительства, так и динамики их повседневного использования.

В целом данное исследование говорит о том, что те модели, согласно которым культурная деятельность эвенков ороченов структурировалась в историческом прошлом, могут быть выявлены и сегодня. Свидетельства этих моделей обнаруживаются на всем пространстве скитания народа, от мест краткого и длительного хранения до очагов и жилищ.

Заключение

Данная статья ставила своей основной целью описание структуры летних построек эвенков ороченов и связанных с ними территорий деятельности. Я проанализировал локальную архитектуру не на основании изучения законченных форм, а взглянул на нее через призму архитектурной интуиции, порождающей совокупность гибридных и временных построек. Я с пониманием отношусь к анализу архитектуры «в прошедшем времени». Модели прошлого, несомненно, важны для процессов культурного возрождения. Тем не менее, представляется вероятным то, что в

повседневной жизни использование пространства направлено, прежде всего, на построение комфортных сообществ. В данном случае это отразилось в субурбанизации сфер деятельности, в дизайне ситуативных мест хранения и в распределении деятельности между несколькими крытыми пространствами.

Самый важный вывод данной статьи заключается в том, что наличие ситуативных и гибридных структур не говорит об упадке архитектурной интуиции эвенков ороченов. Напротив, оно свидетельствует о талантливом применении навыков и мастерства, с целью оптимального использования ресурсов, ставших доступными в постсоветских условиях. Вслед за Анной Сириной (2002) я полагаю, что даже в этих условиях архитектура эвенков ороченов сохраняет свои характерные особенности.

Литература

Пастухова АЛО. Локальная организация хозяйственной территории эвенками севера Байкальской Сибири (сравнительный анализ) // Народы и культуры Сибири: взаимодействие как фактор развития.- Иркутск: МИОН, 2006,- Вып. 4.- С. 140-145.

Сирина А.А. Катангские эвенки в 20 веке. Расселение, организация среды жизнедеятельности.- М., - Иркутск: Оттиск.- 2002.

Хороших П.П. Путевые знаки эвенков-ороченов (из материалов по этнографии эвенков р. Нижняя Тунгуска) //Краткие сообщения института этнографии.-1950.-№ 10.-С.57-59.

Anderson D. G. in press a. "Is Siberian Reindeer Herding in Crisis? Living with Reindeer 15-years after the End of State Socialism" *Nomadic Peoples* vol 9 (2)

Anderson , D. G. in press b. "Neo-Shamanism In A Post-Socialist Landscape: Knowledge, Luck And Ritual Amor.g Zabaika P Orochen-Evenkis" in P. Jordan (ed.) *Landscape and Culture in the Siberian North* London: UCL Press.

Shirokogoroff, S. M. 1929. *Social organization of the northern Tungus*. Shanghai: Commercial Press.

SSiii/okogoroIT, S. M. 1935. *Psychomental Complex of the Tungus*. London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co. Ltd.

' Данная статья была впервые опубликован на английском языке в научной журнале «Norwegian Archaeology Review» 2006 том 39(1) лл 1-26. Эта версия является сокращенным вариантом оригинала. В ней представлены главные тезисы без ссылок на научную литературу и работы других тунгусоведов и археологов. Мария Нахшина сделала резюме первого варианта и перевод его на русский.

Я хотел бы выразить благодарность Николаю Арунееву, Виктору Ветрову, сотрудникам и студентам Института Археологии Университета г. Тромсё за их помощь с идеями для этой статьи. Исследование финансировалось Байкальским Археологическим проектом совместно с Советом Социальных Наук и Гуманитарных Исследований Канады (SSHRCC MCRI

2000-1000). Летние полевые работы были организованы Виктором Ветровым из Иркутского Государственного Педагогического Университета. Его команда состояла из аспирантки Анастасии Пастуховой, Дмитрия Шергина и Петра Дриевского. Я и аспирант Донатас Брандисаускас представляли университет г. Абердин.

Summary

The indigenous peoples of Eastern Siberia have given social theorists much food for thought when it comes to studying space and social change. Frederick Engels (1902) modelled his generalisations on social complexity and family structure partly on Giliak ethnography (Sh-ternberg 1999). In the Russian language literature, the strategic and provocative use of the ethnographic past perfective by Soviet ethnographers, confirmed in most people's minds that 'primitive-communal' forms of adaptation were aspects of Evenki cultural heritage but not a living forms of adaptive strategy (Petri 1930; Tugolukov 1985; Vasilevich 1969; Turov 1990). The intention of this article is to describe Orochen Evenki strategies and interactions with the land in an active mood. I will not treat the recent Soviet past as a source of static that hinders us from understanding an essential cultural core. Instead, this article will examine how Orochen Evenki hunters and reindeer herders continue to take advantage of the resources made available by the taiga, and a de-industrialising military state, much in the same way that they have done in the historic past. What follows is an ethno-archaeological model of summer site structure with an eye to identifying the typical activity areas that result from everyday subsistence activities. These consist of work with game animals (moose, wild deer, pheasant), preparing meals, working with wood, building a living environment made of temporary or medium-term dwellings and storage structures, and cultivating meadows with controlled burns. As an anthropologist, I have framed these observations by the way that Orochen Evenkis would perceive their own lifeworld. To this end, this article is also a reply to a long-running hear-say discussion, often heard among intellectuals in Russia, that Evenki culture has 'disappeared', has been 'destroyed' or has been overwritten by many decades of industrial development and restructuring in the region. Here I would like to document how the resources churned up by de-militarisation and de-industrialisation have allowed Evenkis to elaborate a complex taiga lifestyle built of canvas, plastic, as well as ungulate skins. I will argue that post-socialist collapse creates both challenges and rewarding environmental changes, which may not be of the order of ancient climate shifts, but nevertheless provide an interesting stage upon which to study the way that hunters adapt. Here I will argue that the vernacular architecture of hunters, as with any other people, responds to their ability to access certain materials - in this case coverings. I will argue that post-socialism has allowed Evenkis and other Siberian peoples the luxury of creating multiple living and working spaces of a transitory nature which, although 'non-traditional', nevertheless bear a signature of taiga life.